

ОТКРЫТЫЙ АРХИВ

 Константин
 СТАНИСЛАВСКИЙ:

«Начну с себя»

Почти все, что когда-либо написано Станиславским, сохранено в его архиве. В него входят и «Записные книжки». Их беглый карандаш и чернила уже слегка стерты временем. Но пока еще можно открыть и читать небольшие изящные книжки, большого формата гротески, блокноты с вложенными в них отдельными листками, — все это было превращено Станиславским в тетради для записей.

Фрагмент из «Записных книжек» публикуется впервые. Запись сделана на отдельном листке. Год и число автором не проставлены.

Эмоционально и образно описываемые Станиславским «праздник обновления» и «очистка России» соединяются им с прямой необходимостью следовать «общему примеру». Что это за «праздник обновления»? И кто должен следовать ему? «Мы», то есть Московский Художественный театр. К. С. пишет о зависимости театра от окружающего мира, связывает «атмосферу красоты» — искусство театра — с «новой» и красивой жизнью.

Столь декларативные строчки достаточно редки в «Записных книжках». Как правило, события жизни внешней не получали в записях режиссера столь экспрессивной эмоциональной оценки. «Праздник обновления», с описания которого начался фрагмент, есть те ожидания, которыми жило общество, вступившее в первую русскую революцию. Следовательно, ориентировочной датой создания этого незавершенного текста можно считать весну 1905 года.

Фраза «Начну с себя» — опорная для всего фрагмента — является и тем фундаментом, на котором выстроено само бытие Станиславского и в жизни, и в искусстве. Она — ключ ко всем проблемам, поискам, сомнениям. «Я» как начало отсчета, «я» как лабораторный материал, «я» как элементарная частица целого, но никогда как предмет самолюбования и самовосхищения.

В незавершенном отрывке открыта душа его создателя. И еще один фрагмент из архива К. С. — один из четырех вариантов, написанных режиссером после поездки к Морису Метерлинку в июне 1908 года. Она была предпринята в связи с необходимостью определения границ режиссерской свободы Станиславского, репетировавшего в это время «Синюю птицу».

Возможно, публикуемый фрагмент — первый из четырех. Возможно, он предназначался для журнала «Русский артист», но так и не был напечатан. В книге «Моя жизнь в искусстве», вышедшей в 1926 году, вариант рассказа о поездке много короче. Он словно отшлифован временем.

Ольга ВОЗЯКОВА.

Из «Записных книжек»

Россия готовится к празднику обновления. Во всех ее углах происходит очистка. Старое выбрасывается и сжигается, грязь выскребывается, а заразное — проветривается.

Скоро мы все умоемся, принарядимся, чтобы начать новую и красивую жизнь.

Необходимо и нам последовать общему примеру. В той атмосфере красоты, в которой мы живем, чистота особенно необходима. Чтобы добиться ее, не надо бояться пыли, так как, не запачкав рук, от пыли не избавишься.

Постараюсь же проникнуть во все тайники нашего дорогого дела, чтобы указать накопившуюся пыль, которая подлежит очистке. Считаю долгом делать эти указания без утайки, в полной уверенности заслужить благодарность, а не дурное чувство со стороны тех лиц, которые искренне стремятся к чистоте и обновлению.

Начну с себя.

Русский человек любит бичевать себя. Ему гораздо труднее хвалить себя.

Это кокетство в серьезном деле надо оставить и прежде всего быть искренним как по отношению к себе, так и к другим.

Начну с достоинств. У меня есть режиссерский и актерский талант, средний ум, страсть к делу, энергия и цель в искусстве, к которой я стараюсь стремиться без компромиссов. В спокойные минуты есть умение ладить с людьми, терпимость и даже добродушие и известная доля административных способностей.

Но у меня больные нервы, большая избалованность, несдержанный темперамент. Эти недостатки берут во мне перевес в минуты переутомления, раздражения или озлобления. К сожалению, благодаря условиям моей работы таких минут больше, и потому я в большинстве случаев бываю раздражительным, несправедливым, обидчивым, придирчивым, нелогичным, жестким, бестактным, мало отзывчивым, самонадеянным и самолюбивым, подозрительным. В эти минуты душевного разлада я тяжел, моя работа мало продуктивна, а художественные результаты ничтожны.

В известной мере все эти недостатки зависят от физиологических или патологических причин. В других случаях они зависят от окружающих ненормальностей. Но в большинстве случаев — от моего дурного характера.

Устранение первых причин возможно при нормальности жизни, вторых — при более правильной постановке нашего дела, а третьи зависят от меня самого. Надо стараться, несмотря на свои немалые годы, меняться к лучшему.

Начну с первой части, зависящей от ненормальности моей жизни. Ненормальность жизни — от большого количества дела. Отсюда переутомление, а необходимость сокращения работы и увеличение отды-

ха по условиям моей жизни и работы всего театра сокращены до последнего минимума. Таким образом, вопрос сводится к моей деятельности в театре. Возможно ли ее урегулировать и сокращать? Конечно, да. (Рукопись обрывается).

Поездка к Метерлинку

Поезд уходит из Парижа около 12 часов со станции Сен-Лазар. Как ни старался, но обмундироваться по-европейски мне не удалось. Легко сказать купить большую американскую сумку! Дело, конечно, не в цене, но куда я с ней денусь потом. У меня довольно своих московских сумочек, без которых путешествовать не могу. Привык!

Сумки я не купил. Подправил свою и рассчитал, что, как она ни мала, хватит. Действительно, хватило. И смокинг, слегка помяв, но уложив, и черный галстук вошел. Насчет белого жилета — забыл, летом его носят или зимой. По правде сказать, обрадовался этому замешательству и оставил белый жилет. Как всегда, в последнюю минуту, забыл о ночной сорочке и о самом важном, т. е. книге «Синей птицы». Пришлось завязать отдельно в пакет и веревочками привязать к чемодану.

Дорогой на вокзал купил картуз для автомобиля, сунул его в карман пальто. Согласен, что это некрасиво, т. к. пальто отпыривается, но что же делать, нельзя же в панаме ехать в автомобиле. Подлец сапожник не доставил мне вовремя новых, специально для Метерлинка купленных ботинок. Мальчишка из гостиницы сунул мне запоздалый пакет в окно вагона, когда поезд уходил. Тоже нельзя было не принять, т. к. мои старенькие ботинки... не очень. Кроме того, я догадался в Москве купить в антикварной лавке старинный ящик из слоновой кости вместо бомбоньерки для Жоржетт Леблан, клочок старинной материи и старинную цепь с какой-то старинной финтифлюшкой. Ларец наполнил конфетами, завязал его в материю, перевязал цепью и какой-то древней веревкой с печатью — вышло хорошо, но не по моей вине пакет с картоном для ларца оказался солидных размеров. Ну... зонтик, пальто, как у всякого порядочного русского.

Наконец, поезд тронулся. Дорогой от нечего делать, а также — признаюсь — от волнения встречи — я все придумывал ряд красивых французских фраз, умных и содержательных, и старался их запомнить на первый момент — для встречи. Потом набросал и даже записал на манжете несколько тем для умных разговоров на случай, если на первых порах выйдет заминка. Так незаметно прошло время, и около половины шестого поезд остановился у маленькой станции при небольшой деревушке или городке, называемого (названия нет).

Там носильщиков не полагается. Навыучил на себя все вещи. Ну, конечно, проклятая ночная сорочка развязалась и отвалилась от сумки как раз не вовремя, пальто все время сползало с плеча, на которое я его набросил, автомобильный картуз торчал и т. д. Признаюсь, фигура была не европейская, когда я с немного взволнованным лицом осматривал станцию, ища Метерлинка.

Правда, свидание было назначено в какой-то гостинице, но — кто знает — вдруг ему вздумалось бы приехать сюда. Однако Метерлинка не было.

Я направился к калиточке, перед которой производился контроль. Пришлось опять все пакеты класть на пол и искать куда-то пропавший билет. Ну, как всегда, все посыпалось — уронил бумажки и записочки из бумажки, уронил картуз, а так как Метерлинка не было, то положил картуз в пиджак. Все это было очень некрасиво. Каюсь!

В момент, когда я протискивался в калиточку и зонтик, зацепившись, стал попереки калитки, а я старательно освобождал его, меня кто-то окликнул по-французски:

— (пропуск)

— (пропуск!) — инстинктивно и немного испуганно ответил я.

Среди разных господ, шоферов и шипящих автомобилей я не мог сразу понять, кто звал меня.

Это был господин или шофер с благообразным, нестарым лицом, но совершенно седой и бритый. Красивой, благородной осанки, высокий и коренастый. Серое пальто и фуражка, как у шоферов, немного сиплый голос и какое-то не совсем парижское произношение, с акцентом.

Оробел и не понял; кто это?! Подать ему руку или нет?

Тут как раз пальто полезло с плеча.

Этот господин взял у меня пальто и предложил помочь донести ящик с конфетами. Я решил, что это шофер и руки ему не подал. Шофер доложил мне, что меня ждет автомобиль. На это я ответил, что искренне тронут вниманием г-на Метерлинка. Он предложил мне сесть рядом с ним спереди, но предвзительно надеть пальто и фуражку. Он подал мне пальто, я свернул панаму и сунул ее в карман. Уселся. Он еще раз осматрел вещи и сказал: «Теперь я вас повезу к себе».

— К себе? — подумал я и решил, что это брат Метерлинка, у которого и живет сам Метерлинка. Автомобиль зашипел и поехал сразу вволю.

Пять минут назад, когда я думал, что этот господин — шофер, я бы попросил его не ехать городом так быстро. Право, это нехорошо и жестоко — дети играют посреди улиц, несчастные старушки с корзиночками пугаются, и на каком-то старухе чуть не сплибли торговца в высокой одноколке. Но — брату Метерлинка я не посмел это заметить...

Напротив, я сделал вид, что вполне согласен с такой ездой на страх встречным, и удобно развалился в мягком сиденье, чтобы показать, что я очень привык к автомобилю.

Мы говорили о пьесе Метерлинка, о мадам Метерлинк. О том, что он любит кататься на автомобиле. Он объясняет мне, что это приятно первое время, но что автомобиль скоро надоест. Потом я долго беспокоился о здоровье мадам Метерлинк и очень восхищался природой и воздухом, когда мы выехали из города. Но, увы, тут автомобиль полетел под гору с такой быстротой, что ни дышать, ни рассмотреть виды было невозможно. Я не боюсь быстрой езды, но я боюсь встречных и потому никогда бы не мог быть ни шофером, ни кучером. Едва чернеее патлышко прохожего вдали уже притягивает меня и заставляет волноваться. Мне кажется, что именно на него направляется машина. Нога судорожно корчится вправо, точно желая оттянуть в эту сторону автомобиль, чтоб он не задел прохожего. Но все обходится благополучно, и я спокоен до новой появившейся на горизонте точки.

Брат он, дядя или шофер, но на поворотах ездить так нельзя. Надо по крайней мере давать сигналы, чтобы люди могли спастись от опасности. Но французы эгоисты... и боятся только того, что опасно для них.

Так рассуждал я и сердился в критические минуты. Потом, когда автомобиль выбрался на прямую дорогу, я любовался искусством и необыкновенным хладнокровием, с которым этот господин управлял машиной, и опять заговаривал с ним о мадам Метерлинк и месье Метерлинке.

В одну из таких спокойных минут я решил высказать свое сомнение и осторожно спросил соседа, не родственник ли он Метерлинку.

— C'est moi Maeterlinck!!! — ответил он.

Я только всплеснул руками и начал от конфуза на разные голоса повторять подобно французам (пропуск). Это помогло мне оправиться. А его милый и добродушный детский смех с захлебыванием и зжктыванием головы совершенно успокоил меня.

Я даже решил, что все это к лучшему, по крайней мере не пришлось выпаливать заготовленные тирады, которые при всей обстановке встречи показались мне очень глупыми и пошлыми.

(Продолжение следует)

1908 г. Июнь. Гомбург.

Публикацию подготовила
Ольга ВОЗЯКОВА.